

«Смерти Иоанна Грозного» Алексея Константиновича Толстого:

Царь, твой гнев

Не страшен мне, хотя и непонятен.

Уже давно я смерти жду, мой сын!

«Смерть Иоанна Грозного» упомянута тут не случайно. Достоевский в свои последние дни (самые последние!) собирался играть в этой трагедии, выбрав для себя роль именно схимника. Он всю жизнь испытывал слабость к театру, хотя специально для сцены ничего не писал, если не считать юношеских, в Инженерном училище, манипуляций с «Марией Стюарт» и «Борисом Годуновым».

В «Записках из Мертвого дома» есть глава, которая так и называется: «Представление». По своей обстоятельности, по обилию и прописанности мизансцен она напоминает режиссерскую разработку. Да рассказчик и не скрывает, что арестанты видели в нем «ценителя, знатка», а самодеятельные острожные актеры не считали зазорным с ним посоветоваться. «Они признавали, что в этом я могу судить лучше их, что я видел и знаю больше их. Самые не расположенные ко мне... желали теперь моей похвалы... и безо всякого самоуничтожения пустили меня на лучшее место».

На лучшее место! Обычно такая честь оказывается режиссеру, но у Достоевского, подробнейшим образом описавшего и «сцену», и «реквизит», и, уж конечно, каждого актера, о режиссере не сказано ни слова. Будто спектакль сам по себе ставился.

А может, приходит в голову, он и есть тот самый режиссер?

Он и есть. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях польский политический заключенный Ш. Токаржевский, отбывавший срок вместе с Достоевским. Театр был прибежищем, спасением в самые трудные минуты. «Спасаться во все прекрасное и высокое», — провозглашает, юродствуя, герой «Записок из подполья». Но этот юродствующий тон не должен смущать у автора, который сплошь и рядом поручает заветнейшие свои мысли персонажам, мягко говоря, сомнительным.

Театр спасал в остроге, спасает и сейчас, на пороге смерти, дыхание которой он отчетливо ощущал на своем лице. По воспоминаниям Анны Григорьевны, 1881 год — последний год Достоевского — начался с посещения театра, а в конце января, обеда у вдовы Алексея Константиновича Софьи Андреевны Толстой, он взял экземпляр «Смерти Иоанна Грозного», чтобы подготовиться к домашнему спектаклю, который устраивала Софья Андреевна в память мужа. На другой день он, можно предположить, листал этот экземп-

ляр, пробегая глазами выбранную для себя небольшую роль схимника. Это было воскресенье. А уже в следующее воскресенье его хоронили...

Это, впрочем, был второй день похоронного ритуала. Из дома на углу Ямской улицы и Кузнецкого переулка гроб вынесли накануне, 31 января, вскоре после одиннадцати. Толпы народу заполнили все вокруг. Если верить газетам, Достоевского в последний путь провожало более тридцати тысяч человек. «Зрелища более величественного, более умирительного еще никогда не видал ни Петербург и никакой другой русский город», — писал по горячим следам Суворин.

Особенно много было молодежи. Суббота не считалась выходным днем, но ряд учебных заведений отменили занятия, а там, где они состоялись, во многих гимназических классах и студенческих аудиториях не досчитались слушателей. К тому же стояла великолепная погода: позимнему поздно поднявшееся, как раз к выносу тела, солнце освещало путь от дома к Александро-Невской Лавре. Здесь, в Святодуховской церкви, Достоевскому предстояло провести свою последнюю ночь на земле.

Утром прошли заубойная литургия и отпевание, после чего гроб с большими трудностями вынесли из церкви — так напирал со всех сторон народ, хотя в Лавру пускали по специальным билетикам. Такого не оказалось у Анны Григорьевны, и ей не без усилий удалось пробиться к покойному мужу.

Распоряжался всем писатель Григорович, который познакомился с Достоевским еще в Инженерном училище и который первым прочитал (а по другой версии — услышал в авторском исполнении) «Бедных людей». На одной квартире жили... С тех пор минуло без малого 40 лет. В последний путь провожал тот, кто стоял в начале этого пути. Судьба закольцевала сюжет — совсем как в романах Достоевского.

«У могилы, — свидетельствует очевидец, — были толпы: памятники, деревья, каменная ограда, отделяющая старое кладбище, — все было усеяно пришедшими отдать последний долг писателю».

Похоронили его рядом с Жуковским и Карамзиным. Близость создателя «Истории Государства Российского» была б, наверное, особенно приятна Достоевскому: не зря последней книгой, которую он держал в руках — если не считать Евангелие, — оказалась историческая трагедия «Смерть Иоанна Грозного». Спектакль намечался на начало февраля, так что в ближайшие дни он наверняка не раз освежил бы в памяти текст Алексея Константиновича, но судьба распорядилась иначе. В субботу 24 января он принес кни-

гу домой, в воскресенье у них были гости, которые нашли хозяина довольно бодрым, а в ночь на понедельник, когда он отодвигал этажерку, за которую закатилась вставка с пером, у него лопнул в груди сосудик и пошла горлом кровь.

Жене он сообщил об этом только утром, точнее, в час дня — раньше работающий по ночам Федор Михайлович обычно не вставал. Сам он был совершенно спокоен — крови вышло немного. Но Анна Григорьевна встревожилась чрезвычайно, тут же послала за врачом, но врач уже уехал к больным.

Достоевский тем временем написал письмо в редакцию «Русского вестника» — это были последние выведенные им строки. Именно о них говорит в своем некрологе издатель журнала М. Катков: «Еще накануне получили мы от него собственноручное письмо, написанное твердым почерком и не возбуждавшее никаких опасений. Было, однако, в этом письме зловещее слово, которое тогда скользнуло для нас незаметно. Прося нас об одном деле, он прибавил: «Это, быть может, моя последняя просьба».

Слово «последняя» подчеркнуто автором письма. Речь, как нетрудно догадаться, шла о деньгах. «В настоящее время я крайне нуждаюсь в деньгах», — писал Достоевский руководителем журнала за два дня до смерти. Впрочем, в этот день он не только писал о них, но и говорил.

По трагическому стечению обстоятельств в доме появился гость, которого не ждали, но которому суждено было сыграть роковую роль в последней болезни Достоевского. Имя гостя Анна Григорьевна не называет в своих мемуарах, пишет только, что между ним и ее мужем «разгорелся горячий спор». «Мои попытки, — продолжает она, — сдержать спорящих были неудачны, хотя я два раза говорила гостю, что Федор Михайлович не совсем здоров и ему вредно громко и много говорить. Наконец, около пяти часов, гость ушел, и мы собирались идти обедать, как вдруг Федор Михайлович присел на свой диван, помолчал минуты три, и вдруг, к моему ужасу, я увидела, что подбородок мужа окрасился кровью и она тонкой струйкой течет по его бороде». Снова послали за доктором, доктор приехал, и тут остановившаяся была кровь хлынула снова, да с такой силой, что больной потерял сознание. А когда очнулся, то первые его слова были о священнике. Немедленно священника! «Хочу исповедоваться и причаститься!»

Анна Григорьевна называет приглашенного из ближайшей к дому Владимирской церкви священника — отец Мегорский, а вот имя таин-